

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ИЗДАЕМЫЯ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ УПРАВЛЯЮЩАГО ОТДѢЛЕНІЕМЪ

Барона **В. Р. Розена.**

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

1897—1898.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМНАДЦАТИ ТАБЛИЦЪ И ТРЕХЪ ПОРТРЕТОВЪ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1899.

Расположеніе главнѣйшихъ камней съ бурханами и надписями прекрасно видно на фотографическомъ снимкѣ, представляющемъ общій видъ сей мѣстности. Надъ бурханами помѣщены люди для того, чтобы замѣтнѣе было ихъ мѣстонахожденіе. По фотографическому снимку можно судить о планѣ расположенія памятниковъ, разстоянія между ними и приблизительныхъ размѣрахъ общей площади, занимаемой ими.

Окрестные жители—киргизы, кочующіе въ этой мѣстности, говорятъ только, что они изъ рассказовъ своихъ предковъ знаютъ, что начерченныя изображенія и надписи на камняхъ, были сдѣланы калмыками, еще до прихода на эти мѣста киргизовъ.

Кочующіе здѣсь киргизы прибыли сюда лѣтъ двадцать тому назадъ съ рр. Каратала и Коксу; раньше ихъ жили здѣсь *дулаты*, которые ушли въ Бѣрненскій уѣздъ.

О Тамгалы-тасѣ киргизы эти имѣютъ весьма недостаточныя свѣдѣнія.

Мѣстность *Тамгалы-тасъ* получила свое названіе уже отъ киргизовъ. *Тамгалы-тасъ* на Тюркскомъ языкѣ значить «камень со знаками».

Памятникамъ этимъ, повидимому, не грозитъ опасности быть попорченными отъ размыванія водою, обваловъ, культуры окрестной мѣстности, какихъ либо искусственныхъ сооружений и тому подобныхъ причинъ; единственный врагъ ихъ можетъ быть *время*; отъ времени, отъ разныхъ атмосферическихъ причинъ грозятъ вывѣтриваніе и разрушеніе этихъ камней, что наблюдается и теперь.

Благодаря этому обстоятельству съ нѣкоторыхъ камней не удалось получить фотографическихъ снимковъ.

Н. Пантусовъ.

г. Вѣрный, ноябрь 1897.

Объясненія надписей и изображеній Тамгалы-Таса ¹⁾.

Рисунокъ № 1-й представляетъ «Общій видъ камней Тамгалы-тасъ» и назначенъ, вѣроятно, для того чтобы показать всю громаду этой скалы. Надписи и изображенія на немъ едва замѣтны и отыскивать ихъ здѣсь весьма не легко; поэтому изслѣдователи прекрасно поступили, давъ, и даже въ двухъ экземплярахъ

1) [Изъ присланныхъ Н. Н. Пантусовымъ 34 снимковъ (съ 17 камней) здѣсь помѣщаются лишь наиболѣе характерныя, а именно № 2 Общій видъ = Табл. XIV и № 3 в. = Табл. XV. *Ред.*].

Рисунок № 2-й «Общего вида камней Тамгалы-гасъ», гдѣ скала снята въ нѣсколько меньшемъ объемѣ, захвативъ исключительно самый районъ надписей. Предупредительность изслѣдователей выразилась здѣсь въ томъ, что они, очевидно съ умысломъ, разставили членовъ своей экспедиціи у каждаго отдѣла надписей и изображеній и это даетъ возможность удобнѣе отыскать, гдѣ именно располагаются на скалѣ самыя надписи и изображенія. Слѣдую за ними по порядку.

Выше всѣхъ другихъ рисунковъ расположены, кажется, изображенія трехъ буддійскихъ божествъ съ начертанными подъ ними надписями на тибетскомъ языкѣ. Фотографіи этой тріады находятся въ альбомѣ въ трехъ различныхъ снимкахъ. Первый изъ нихъ (№ 3-й а), — (въ двухъ экземплярахъ) — представляетъ самыя крупныя фигуры буддъ; второй (№ 3-й б) — нѣсколько меньшія; третій (№ 3-й в) — самый мелкій, но въ тоже время и самый отчетливый. Что до объясненія этихъ изображеній, то срединное изъ нихъ представляетъ собою

Бурхана, именуемаго у монголовъ и чжунгаровъ «Дурбэнъ моторту Арія-бало», т. е. «четверорукий Арія-бало, котораго тибетцы зовутъ «Тугс-рчаже-чен-бо», или еще болѣе обыкновенно Чжан-рай-сикъ (ཇུང་རལ་སེམ་པོ་ལྷ་མོ་).

Настоящее изображеніе даетъ мнѣ случай отмѣтить несправедливое замѣчаніе Пандера, будто бы «Aryarâla wird immer stehend mit acht Armen abgebildet» (Das Pantheon. s. 70). Изображеній Арія-бало вообще очень много: бывають въ стоящей позѣ, но еще болѣе въ сидящихъ положеніяхъ. Наиболѣе обыкновенная форма Чжан-рай-сикъ'a это представляемая настоящимъ рисункомъ, въ которомъ онъ изображается въ видѣ индійскаго царевича, съ 13-ю украшеніями въ костюмѣ. Лицо у него всегда бѣлаго цвѣта. Онъ сидитъ въ «алмазной» позѣ, съ переднею парю рукъ, сложенныхъ какъ бы для молитвы, изъ числа же двухъ заднихъ рукъ въ правой — онъ держитъ хрустальныя четки, а въ лѣвой — цвѣтокъ лотуса съ длиннымъ стеблемъ. Эти формы изображенія Арія-бало принадлежатъ позднѣйшему тантрическому періоду. Современные ламаиты смотрятъ на Арія-бало какъ на эманацию будды Амитабы, воплощеніемъ же его въ настоящую пору почитается далай-лама. Чжан-рай-сикъ вмѣстѣ съ Маньчжушри и Очирь-вани (Ваджра-пани) почитаются у тибетскихъ и монгольскихъ буддистовъ защитниками ламаизма и въ этомъ смыслѣ они даютъ имъ общее названіе «рин-сумъ-гом-бо», подобно тому какъ у древнихъ брахмановъ составляли три-мутри Брами, Вишну и Шива. Замѣчательно, что символическіе предметы у Чжан-рай-сикъ'a тѣже самыя что и у Брами: лотусъ и четки.

Подъ изображеніемъ Чжанрайсика на скалѣ видна длинная надпись:

འཕགས་པ་སྐྱེ་བ་ལ་གཞིགས་ལ་ནོམ་། a Пагс-ба чжан-рай-сигс-ла на-мо

ཨོམ་མི་མཉམ་པའི་མུ་མུ་། ཨོམ་མི་མཉམ་པའི་མུ་མུ་།

Ом-ма-ни-пад-мэ хумъ. Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ

ཨོ
ཨོ ཨོ མུ་
མུ་

Ом
|
Ом - а - хумъ.
|
хум

Въ переводѣ: «Поклоняюсь святому Чжан-рай-сик'у

Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ. Омъ ма-ни-пад-мэ-хумъ

Ом
|
Ом - а - хум.
|
хум.

По правую руку Чжан-рай-сик'а помѣщена въ гораздо меньшемъ объемѣ фигура будды Сакъямуни, значение коей едва ли требуетъ какихъ либо объясненій. Подъ этою фигурою тибетская надпись སངས་རྒྱལ་ཤུ་བྱ་སྐབ་པ་ལ་ནོམ་། = сан-чжай-шā-чжа-губ-ба-ла-на-мо т. е. поклоняюсь буддѣ Сакъямуни.

По лѣвую сторону отъ той же большой фигуры Чжан-рай-сик'а располагается третій рисунокъ, въ величину предшествовавшего. Это — бурханъ Ман-ла, божество врачеванія, изображенія коего бываютъ также различны. Группу этихъ боговъ-врачей можно найти въ атласѣ Шлягин твейта, только всѣ оны ошибочно помѣщены у него подъ группою Майтрея (= Май-дари). Настоящая, наиболѣе популярная форма Манлы (སྐྱེ་བྱི་ལྷོ།) извѣстна подъ спеціальнымъ именемъ «Бэ-дурья-п-од-чжи-чжал-бо» (བེ་ཏུ་རུ་འི་འོ་ལྷོ་ལྷོ་ལ་ནོམ་།), т. е. «владыка лазуриковаго цвѣта», почему на рисункахъ онъ и живописуется всегда съ синимъ лицомъ. Ман-ла сидитъ на тронѣ изъ лотуса; въ лѣвой рукѣ онъ держитъ закрытую на замокъ патру, а въ опущенной книзу правой — исцѣляющій всѣ болѣзни плодъ гСэр-мДог-А-ру-ра (Золотой миробаланъ). Подъ этой фигурой на скалѣ также высѣчена надпись: སངས་རྒྱལ་ཤུ་བྱ་སྐབ་པའི་མུ་མུ་། | Сан-чжай-ман-чжи-хла-ла-на-мо т. е. поклоняюсь буддѣ Манла.

Второе живописное изображеніе бурхана представлено изслѣдователями въ трехъ снимкахъ, изъ коихъ первый (№ 4-й а), крайне неясный какъ изображеніе бурхана, имѣетъ, повидимому, цѣлью показать не столько самыя формы божества, сколько мѣстонахождение его изображенія на утесѣ. Что касается детальныхъ подробностей рисунка, то онѣ выясняются во

1) Вм. этого ལྷོ་ г гораздо чаще встрѣчается ལྷོ་

второмъ снимкѣ (№ 4-й б), имѣющемся въ двухъ экземплярахъ. Взглянувъ на этотъ снимокъ, мы видимъ, что это изображеніе такъ называемаго въ просторѣчій «Лунъ-вана» — царя драконовъ, полное имя котораго по тибетски Чжал-ба Лу-ванъ-ги-чжал-бо (ཉལ་བ་ལྷ་དབང་གི་ཉལ་བོ་). По вѣрованіямъ ламаитовъ, Лу-ванъ — гений хранитель пространствъ земли, почему изображенія его ставятся на отличныхъ мѣстахъ, а въ молебствіяхъ при освященіи подобныхъ урочищъ ламаиты обращаются къ Лу-вану о храненіи освящаемаго ими мѣста. Въ составленномъ ламою Сумади «обрядѣ постановки обѣ» (འཇམ་དུ་གསོལ་བའི་འཇམ་མཁའ་ལོ་ལོ་ལོ་), для освященія мѣсть, находимъ такую замѣтку о Лу-ванѣ: «Божество, именуемое могущественнымъ ханомъ драконовъ имѣеть синее тѣло и бѣлое лицо, надъ головою украшено семью драгоцѣнными змѣями, держитъ руки въ положеніи «проповѣдыванія» ученія, спасающаго драконовъ и злосчастныхъ существъ и облачено въ три священныя одежды. Съ правой стороны его сидятъ бодисатвы, слѣва — многочисленные арханы, а спереди сонмъ повелителей драконовъ; всѣ они предстоятъ, сложивъ ладони и преклонивъ колѣна предъ побѣдоносно прешедшимъ. Божество это за много калпъ раньше достигнувъ состоянія будды умирило злоствующихъ царей драконовъ и проповѣдало имъ священнѣйшее ученіе; въ награду за что ему и было поднесено семь драгоцѣнныхъ змѣй въ видѣ украшения на голову. Въ мѣстѣ, гдѣ находится этотъ будда, не можетъ быть навожденій и мученій, причиняемыхъ драконами; возстанія владыкъ мѣстности и всякія злосчастія исчезаютъ. Обятаетъ этотъ будда въ мірѣ, именуемомъ «медвяноплоднымъ» (འབྲུག་ལོ་ལོ་ལོ་).

Изображеніе третьяго бурхана представляется однимъ снимкомъ (№ 5-й а), присланнымъ въ двухъ экземплярахъ. Это — бурханъ, именуемый Митюкба (མི་འབྲུག་པ་), что по буквальному переводу значить «невозмутимый». Божество это принадлежитъ къ числу тантрическихъ буддъ и отличительный признакъ его составляетъ возстановленный на лѣвой ладони вачыръ (ваджра). Съ правой стороны рисунка начертаны по тибетски тарни Митюкба:

ན་མོ་རྩུ་དྲ་ཉལ་མོ་གྱི་ཀ་ཀི་	Намо-ра-дна-да-рь-я-я-омъ-гам-га-ни
ཀི་ཀི་ནི་རྩུ་མོ་ནི་རྩུ་མོ་ནི་རྩུ་མོ་	гам-га-ни ро-за-ни ро-ни-ро-ни
རྩུ་མོ་ནི་རྩུ་མོ་ནི་རྩུ་མོ་ནི་རྩུ་མོ་	дра-са-ни-дра-са-ни-бри-да-ха-на-бри-да-ха- на-са-рва-
ཀླ་རྩུ་མོ་ནི་རྩུ་མོ་ནི་རྩུ་མོ་ནི་རྩུ་མོ་	гар-ма-ба-рам-ба-ра-ни-мам-сар-рва-са-до- нян сва-ха.

Переводить эти тарни, какъ и вообще всѣ мистическія изреченія внѣ знанія санскрита, рѣшительно невозможно; извѣстно только, что у ламаитовъ они имѣютъ значеніе заклинаній и охранительныхъ формулъ. Такова же общепогребительная у ламаитовъ шестисложная формула «Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ». На разсматриваемомъ камнѣ и снимкѣ съ онаго она изображена четыре раза, а именно, на самомъ верху праваго угла камня тибетскими буквами: ཨ་མ་ཎི་པད་མུམ་ ཨ་ и, нѣсколько ниже помянутыхъ тарни бурхана Митюкба, — трижды калмыцкими буквами, въ однообразной формѣ: ཨ་མ་ཎི་པད་མུམ་ ཨ་. Кроме сего здѣсь же видна попытка начертать эту формулу въ томъ же видѣ и въ четвертый разъ, но памятникъ этой попытки остался только четыре, да и то не полныхъ буквы ཨ་མ་ཎི་པད་མུམ་.

Таже формула «Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ» и совершенно въ томъ же видѣ начертана тибетскими буквами еще

1) на камнѣ, представленномъ въ двухъ различныхъ снимкахъ: № 6-й а — помельче и № 6-й б — покрупнѣе. Какой то русскій подставилъ здѣсь нѣсколько ниже тибетской надписи дату своего посѣщенія Тамгалытаса, — 1887;

2) на камнѣ и снимкѣ № 7-й, представленномъ въ двухъ экземплярахъ. Сверху въ горизонтальной и нѣсколько наклоненной вправо строкѣ тибетскими буквами, а нѣсколько ниже въ прямой горизонтальной строкѣ — калмыцкими буквами. Тотъ же камень, только въ уменьшенномъ видѣ, несомнѣнно, снятъ и на фотографіи № 7 б; въ этомъ убѣждаютъ насъ какъ положеніе буквъ, такъ и расположеніе ихъ на камнѣ;

3) на камнѣ и снимкѣ № 8-й, представленномъ также въ двухъ экземплярахъ, формула «Ом-ма-ни-пад-мэ-хумъ» была начертана два раза калмыцкимъ алфавитомъ и обѣ эти надписи не сохранились полностью: отъ верхней осталось четыре слога, а отъ нижней только три;

4) на камнѣ и снимкѣ № 9-й (опять въ двухъ экземплярахъ) таже формула является начертанною тибетскими буквами, причемъ послѣднія двѣ буквы ཨ་མ་ также еле замѣтны;

5) на камнѣ и снимкѣ № 10-й (въ одномъ экземплярѣ) формула «манпо» снова начертана два раза калмыцкими буквами; причемъ верхняя надпись сохранилась больше, — въ ней утратился лишь одинъ слогъ མུམ་, — въ нижней же надписи имѣются только первые четыре слога;

6) на камнѣ и снимкѣ № 11-й (въ одномъ экземплярѣ) представлена

Послѣдній камень и снимокъ № 17-й (въ двухъ экземплярахъ) представляется исписаннымъ больше всѣхъ другихъ; къ сожалѣнію, онъ больше другихъ и пострадалъ, а потому чтеніе его почти невозможно. Изображенныя на немъ десять строкъ калмыцкаго письма содержатъ въ себѣ, несомнѣнно, молитвенный текстъ, обращенный, повидимому, ко всѣмъ тѣмъ буддамъ и бодисатвамъ, изображенія которыхъ мы видѣли на отдѣльныхъ камняхъ утеса; но такое предположеніе вытекаетъ у меня лишь изъ нѣсколькихъ словъ, свободно поддающихся чтенію, связать же эти слова въ стройную фразу рѣшительно нельзя.

Вотъ что читается на отдѣльныхъ строкахъ этой надписи: 1) Ом сости! эрк'тү 2) дѣдү оточи кигэтъ акшоб йн 3) эркэтү йэкэ нигүлэсүкчи 4) эсэ зюдыйн аюл 5) тул гу бо г 6) чо йн 7) олху болтугай 8) чу хуй 9) и 10) о

Это значитъ: 1) Ом-сости! могущественный 2) высочайшій врачъ¹⁾ и Акшоб²⁾ (частица род. пад.) 3) могущественный великомиросердый³⁾ 4) не ужасъ голода 5) 6) (част. род. пад.) 7) да приобрѣтуть 8) 9) 10)

Подъ этою калмыцкою надписью находится одна горизонтальная строка, какъ мнѣ кажется, смѣшаннаго санскритскаго и тибетскаго текста. Къ первому — санскритскому, по моему, относятся начальныя четыре буквы; послѣднюю, т. е. четвертую изъ нихъ, можно было бы, пожалуй, признать за тибетское ࿨ (д), но предъ словомъ རྗེས (чой) она не можетъ имѣть своего мѣста. Собственно тибетская надпись этой строки воспроизводится и читается такъ: རྗེས་ཀྱི་རྒྱལ་མཚན་ལ་ནོམ་ལྷོ་ (чой-чжи-чжал-цан-ла-на-мо) т. е. «покланяюсь Чойчжи-чжалпану». — Личность этого Чойчжи-чжалпана хорошо извѣстна въ исторіи. Онъ жилъ въ 1569—1662 гг. и былъ первымъ ламою, носившимъ титулъ Баньчэнь-римбочэ; устроилъ Чжаши-хлумбо; создалъ далай-ламу, въ лицѣ почитающагося 5-ымъ хубилганомъ Навана и былъ главнымъ виновникомъ подданства Тибета маньчжурамъ.

А. Позднѣвъ.

1) «высочайшій врачъ», калм. «дѣдү оточи» = тиб. ман-ла.

2) «Акшоб», очевидно, — «Акшоби» тоже что тиб. Митюкба.

3) «великомиросердый» калм. «йэкэ нигүлэсүкчи» = тиб. Чжан-рай-сэкъ.

